

О нации и национализме

В. С. Бузин

Для цитирования: Бузин В. С. О нации и национализме // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63. Вып. 1. С. 311–324. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2018.120>

Статья посвящена ряду проблем, которые ставятся в монографии В. А. Тишкова «Российский народ: история и смысл национального самосознания». Автор статьи имеет иное видение содержания терминов «нация» и «национализм», нежели изложенное В. А. Тишковым. В соответствии с взглядами В. А. Тишкова термин «нация» может применяться и к населению государства, и к этнической общности — народу. Однако в практике современного русского языка понятие «нация» воспринимается почти однозначно как «народ» (этнос). К тому же состояние «нации» в понимании В. А. Тишкова — как единства населения государства — трудно определимо и изменчиво. Безусловно, однозначным должен быть и термин «национализм» — как сугубо негативное явление, именно такое его содержание характерно для современного русского языка. Скептически относится автор статьи и к возможностям «конструирования нации», как и вообще к представлению, что история человечества определяется волей интеллектуальной элиты, а не объективными законами общества. Вместе с тем эти методические несогласия отнюдь не означают негативную оценку монографии В. А. Тишкова, более того, ее оценка должна быть весьма высокой. Особо надо выделить в данной работе ее историографический аспект — детальный анализ использования термина «нация» и «национализм» в российской/советской общественной мысли. Но важнее то, что автор монографии — не безучастный «исследователь проблематики», а гражданин Отечества, патриот России, какими бы высокопарными ни показались эти слова. Книга В. А. Тишкова имеет не только научное, но и общественно-политическое значение. Именно с этих позиций в ней рассматриваются острые проблемы нынешней Российской государственности — в аспекте полиэтничности, будь это ситуация на Северном Кавказе, коллизии миграции, этическая оценка событий истории России, статус русских как ее государствообразующего этноса, и не только.

Ключевые слова: нация, национализм, социальное конструирование действительности, полиэтничное государство.

On the Nation and Nationalism

V. S. Buzin

For citation: Buzin V. S. On the Nation and Nationalism. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2018, vol. 63, issue 1, pp. 311–324. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2018.120>

The article is devoted to several problems, which are explored in the monograph by V. A. Tishkov “The Russian people: the history and meaning of national identity”. The author of the article perceives the terms “nation” and “nationalism” differently V. A. Tishkov. According to

---

Бузин Владимир Серафимович — канд. ист. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; v.buzin@spbu.ru

Buzin Vladimir S. — PhD in History, Associate Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; v.buzin@spbu.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2018

V. A. Tishkov, the term “nation” can be applied both to the population of the state and to the ethnic group — the people. However, in the practice of the modern Russian language the term “nation” is mostly perceived as “people” (ethnos). In addition, the “nation” as it is understood by V. A. Tishkov’s — the unity of the population of the state — indefinable and variable. Undoubtedly, the term “nationalism” is supposed to be unambiguous — as a purely negative phenomenon, which is its connotation typical of the modern Russian language. The author of the article is also skeptical of the possibility of “nation building”, and, by and large, of the idea that human history is determined by the will of the intellectual elite, and not by objective laws of society. Despite the methodological disagreement, the monograph should not be assessed negatively, on the contrary, it deserves a commendation. It is necessary to highlight the historiographical aspect of the book — a detailed analysis of the use of the term “nation” and “nationalism” in the Russian/Soviet social . What is more important is the fact that the author of the monograph is not an indifferent “researcher of the issue”, but a citizen, a Russian patriot, however stilted these words may seem. The book by V. A. Tishkov is not only of scholarly, but also of social and political significance. It is from this perspective that acute problems of the current Russian statehood in terms of its multi-ethnicity — the situation in the North Caucasus, migration conflicts, ethical evaluation of events in the history of Russia, the status of the Russians as its constituent ethnic groups etc. — are considered.

Keywords: nation, nationalism, social construction of reality, multiethnic state.

Небольшая преамбула. Эта статья появилась как результат размышления над книгой академика В. А. Тишкова (далее — В. Т.) «Российский народ: история и смысл национального самосознания»¹. Со времени ее выхода в свет прошло четыре года — срок довольно большой, так что впору спросить у автора этой статьи: а не слишком ли затянулись его размышления для их обнародования? Да ведь тема такая, что размышлять над ней можно сколь угодно долго, ибо ее актуальность будет непреходящей, пока существует полиэтническая российская государственность. Но, кроме того, за это время происходили события, которые имели самое непосредственное отношение к тематике монографии В. Т. и стали своеобразной проверкой на истинность ряда ее положений. Я имею в виду прежде всего референдумы по вопросу государственной самостоятельности Каталонии в Испании и Шотландии в Великобритании, события на юго-востоке Украины и вхождение Крыма в состав Российской Федерации, теракты в ряде стран Западной Европы и небывалый наплыв туда иммигрантов из стран Северной Африки и Ближнего Востока.

О «нации» — концепте и практике его воплощения. Нация — «категория семантико-метафорическая, которая обрела в истории большую эмоциональную и политическую легитимность и которая не стала и не может быть категорией анализа, т. е. получить научную дефиницию. Нацию невозможно определить, нацией можно только называться»². Это заявление В. Т. сделал в своем монографическом труде 2003 г. «Реквием по этносу». И вот спустя 10 лет (цифра юбилейная) автор выступил с публикацией, в которой нация является уже «категорией анализа» и получает «научную дефиницию».

Что же такое «нация»? До недавнего времени в отечественной этнографии под этим термином понимался исторический тип этнической общности в ряду стади-

¹ Тишков В. А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М., 2013.

² Тишков В. А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003.

ального восхождения: племя — народность — нация³. Нация в этой триаде понималась согласно определению И. В. Сталина, данному в статье 1913 г. «Марксизм и национальный вопрос»: «исторически сложившаяся, устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры»⁴. Признаком, который отличал нацию от предшествующего состояния этничности, указывалась общность экономической жизни. К этому содержанию понятия «нация» отношение академика отрицательное: «Советская теория, определявшая нацию как высшую стадию развития этноса, была уязвимой и для демократического государствовоительства не подходящей» (с. 4). Можно согласиться с ее уязвимостью, ибо она порождала много несуразностей⁵, но заявление о ее «неподходящности» выглядит странно — теория может быть только истинной или нет.

Так что же такое «нация» при негодности сталинско-советского определения? «В отечественном обществознании по этому вопросу наблюдаются методологическая путаница и политизированные дискуссии», — сетует В. Т. (с. 596). Опубликованная книга и должна дать ответ, прежде всего применительно к нашей стране — Российской Федерации. Автор предлагает перейти на «более адекватный язык» в применении термина «нация», и показывает, что он бытовал в лексике русского языка задолго до теоретических выкладок И. В. Сталина, по крайней мере с 1783 г., причем в ином понимании (с. 48 и сл.). В. Т. выделяет два вида наций. Один вид — «народ-нация», или «этнонация», другой — «нация-государство»: «Можно называть нациями как этнические общности (этнонации), так и государственные сообщества (согражданства)» (с. 42). Для этих видов наций в его работе используются и другие названия, соответственно — «этнические» и «гражданские» (с. 46). Отметим, что понимание нации как совокупности граждан (или подданных) одной страны было характерно и для лексики советского периода, в частности, в таких словосочетаниях, как «национальный доход», «национальные вооруженные силы» и др., что отмечалось советскими этнографами⁶.

Естественно, терминология требует строгого к себе отношения, в первую очередь в плане определения содержания терминов. Впрочем, к терминологии у В. Т. специфическое отношение: «Для мировой науки эта наша терминологическая одержимость совсем непонятна» (с. 64). Сомнительный тезис! Бог с ней, с «мировой наукой», но в отечественной, по моему мнению, без такой одержимости никуда не деться, ибо наука не может обходиться без терминов, а они должны иметь определенное содержание. И В. Т. дает определение, причем не одно (с «терминологической одержимостью») нации-государству: «Нация есть гражданство» (с. 45). Однако это не только «носители одинаковых паспортов» (с. 46), в более развернутом виде это население государства «с общей хозяйственно-экономической основой, контролируемой центральной властью территорией, с общими ценностями и культурными основами для большинства жителей страны» (с. 7), или еще: «государ-

³ Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы. Расы. Культуры. М., 1985. С. 69–90.

⁴ Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос // Сталин И. В. Соч. Т. 2. М., 1954. С. 296.

⁵ См., в частности: Этнология (этнография): учебник для бакалавров. М., 2014. С. 110–113.

⁶ Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). М., 1981. С. 39–40.

ственно-территориальная, политико-правовая общность на основе комплекса политических, историко-культурных и морально-правовых характеристик» (с. 64).

Понятию «этнос-нация», или «этнонация», дается следующее определение (применительно к Российской Федерации): «Нациями могут называться представители всех российских национальностей, как каталонцы и баски в Испании, как шотландцы в Великобритании и квебекцы в Канаде», при уточнении, что «это допущение не должно подвергать сомнению существование соответственно российской, испанской, британской и канадской нации» (с. 9). Но в чем же все-таки отличие «этнонации» от этноса (народа) как такового? Я не нашел в монографии ответа на этот вопрос, и, надо заметить, этносу-нации в ней не уделяется более внимания.

Насколько оправданно применение одного и того же понятия «нация» к общностям, выделяемым по разным признакам — этнической и государственной принадлежности, и, соответственно, представляющих собой разные явления? Выходит, что нация состоит из... наций! Можно, конечно, и уточнить: нация-гражданство состоит наций-этносов. Но стоит ли такой огород городить? Ибо получается какая-то несуразица. Так, русские России, будучи народом-нацией, входят в российскую нацию, русские Эстонии — в эстонскую нацию, но будучи в ее составе тоже нацией — русской, русские Франции — во французскую нацию, опять же будучи русской нацией, русские Бразилии — ... ну, и т. д. и т. п. Сколько русских «наций» существует в мире и что тогда есть все русские? Если в России есть гражданин африканского народа фульбе, можно ли утверждать, что в нашем государстве представлена и фульбе-«нация», а гражданином азиатского народа минангкабау — минангкабау-«нация»? Проще, что называется, разрубить «гордиев узел» — отказаться от понятия «нация» применительно к этносу, его (понятие «этнос») и использовать.

Наличие гражданской нации по В. Т. определяется общностью населения конкретной государственности — хозяйственно-экономической, управленческой, территориальной, культурной, общечеловеческой (да простится мне этот неологизм) «для большинства жителей страны» (спросим: а оставшееся «меньшинство» входит в данную нацию?). Однако в рамках государства общность населения всегда будет существовать, хотя бы этого «носители одинаковых паспортов» или нет. В этом плане поучителен разговор двух советских диссидентов, один из которых заявил, что он живет совершенно в другом мире, нежели ненавистная ему коммунистическая государственность — и тут же был «срезан» вопросом собеседника: «А ты в булочную ходишь?»

Но кроме единства у граждан государства непременно будут и различия. «С самого начала существования национальных государств культурная, а тем более социальная однородность наций была своего рода идеей и политической доктриной», — читаем у В. Т. (с. 588). Политической доктриной однородность может быть, но практика будет ей противоречить. О социальной, в плане классово-сословной и во многом соответствующей ей культурной однородности, говорить не приходится, и применительно к «нации» вполне уместно привести утверждение В. И. Ленина о том, что «есть две нации в каждой современной нации» и «есть две национальные культуры в каждой национальной культуре»⁷.

⁷ Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 24. М., 1961. С. 129.

Социальная дифференциация, безусловно, препятствует единству граждан государственности как нации, но привести к территориальному его распаду (и тем самым нации) способны другие виды идентичностей, особенно те, которые имеют локализованный характер (могут его и не иметь): расовая, языковая, конфессиональная, региональная, этническая, часто сопрягаемые. Признаемся, что сейчас главный противник единства российской идентичности — этническая идентичность, на что и указывается в монографии. Обе идентичности в понимании автора «национальные», не исключают друг друга, но, по его утверждению, этническая нередко используется «активистами этногрупп», чтобы прибрать к рукам термин «национальный» для этноса, но не для государства (с. 25).

Есть ли **российская нация**? Как определить, пользуясь терминологией В. Т., едины ли в составе государства входящие в него нации-этноты и тем самым осознают ли они себя частями нации-государства? Единицы измерения степени такого единства отсутствуют. Очевидно, «на выходе» она определяется по их отношению к своему гражданству, проявляемому в разных видах. Это отношение, как «общественное мнение», может быть выражено в ходе специально организованных для этого опросов и голосований. В книге В. Т. им посвящено значительное место, исходя из них делаются выводы того или иного характера, но с признанием некоторых проблем этой практики: «результаты (голосования. — В. Б.) не означают абсолютно точно действительное положение вещей» (с. 382).

Однако есть и вопросы, связанные с применением данных процедур. Совсем недавно были проведены вызвавшие широкий резонанс голосования по вопросу о выходе из состава государственности двух этносов: каталонцев в Испании — с положительным результатом, и шотландцев в Великобритании — с отрицательным. Можно ли теперь считать каталонцев не входящими в состав испанской нации-государства? Или тех каталонцев, которые проголосовали за политическую самостоятельность, не состоящими в ней, а проголосовавших против — находящимися в ее составе? И тот же самый вопрос зададим относительно голосования шотландцев по поводу выхода из состава Великобритании: можно ли утверждать, что голосовавшие «против» входят в состав британской нации, а «за» — нет?

Ну, а что у нас — на необозримых пространствах матушки России — показывает волеизъявление граждан относительно вопроса: существуют ли российское единство и тем самым российская «нация»?

«Цифрных» данных такого рода в монографии довольно много, в основном в главе 17 «Этнорегиональная динамика идентичности». Приведем самые существенные из них, непосредственно относящиеся к сути вопроса. Среди них: «В 2011 г., определяя свою идентичность, ... 95 % респондентов... в той или иной степени идентифицировали себя как “граждан России”» (с. 636). Процент весьма велик, но вообще-то так должны были заявить 100 % отвечавших, коль скоро все они являлись обладателями российских паспортов. И еще один пассаж: «На вопрос, в какой мере вы ощущаете принадлежность к России, 45 % заявили, что ощущают ее в сильной степени. Но 12 % ответили, что такого чувства у них вообще нет, 13 % не дали определенного ответа, а у прочих (30 %) оно возникает “только в некоторых ситуациях”». Три последние категории в совокупности составляют более половины респондентов, что свидетельствует о довольно низком уровне гражданского самосознания» (с. 375). Что ж, весьма пессимистично. На вопрос «Моя националь-

ность — россиянин?» 58 % заявили однозначно «да» (с. 381). Тоже немного, а для утверждения о существовании российской нации явно недостаточно. Однако я сомневаюсь в правильности понимания сути вопроса всеми респондентами. Скорее, «россиянин» многими из них по сходству было отождествлено с «русским», отсюда и результат, далеко отстоящий от вышеприведенных 95 % «граждан России».

Состояние российского согражданства в такой полиэтничной стране, как Россия, во многом определяется характером межэтнических отношений. Как обстоят дела на этом фронте?⁸ Тут тоже наблюдается неоднозначность. С одной стороны, «подавляющее большинство опрошенных не выразили отрицательного отношения к каким-либо группам людей и к представителям определенной национальности или вероисповедания» (с. 362), но, с другой: «Почти две трети (опрошенных относительно отношения к представителям других национальностей или вероисповедания. — В. Б.) заявили о проблематичности таких отношений» (с. 365).

Добавим к вышеизложенному дополнительный факт. Одна из передач «Проект 2015» на канале «Санкт-Петербург» 9 ноября 2016 г. была посвящена проблеме, представляет ли население РФ нацию. На экран для зрителей был вынесен очень четкий в плане его понимания вопрос: «Вы чувствуете общность с другими народами нашей страны?» Ответ «да» в конечном счете составил 25 %. Устроителями передачи, как можно видеть, в качестве главного фактора, определяющего единство страны, был выделен этнический. И с этим можно согласиться, хотя участники программы совершенно справедливо указывали, что не совсем оправданно всё «сваливать в этничность», говорилось и о классовых различиях, подрывающих общность населения и препятствующих формированию нации.

Каков же вывод автора монографии о единстве граждан страны? Как основы существования российской нации выводятся из используемых им математических посылок? Не очень оптимистичное «значительная часть населения ощущает себя выключенной из общественно-политического пространства (страны. — В. Б.)» (с. 378) сочетается с утверждением о том, что «велика готовность большого количества жителей страны признать российское согражданство» (с. 382). Так все-таки «готово» или «признает»? Это различие весьма существенно.

Голосования, о которых шла речь, — явление, имеющее (возможно, пока) единственный характер, а опросы населения, как это видно на примере РФ, дают противоречивые результаты. Чаше негативное отношение к пребыванию в составе данной государственности той или иной группы населения проявляется в манифестациях иного вида, в том числе в насильственных действиях по отношению к центральной власти, чтобы принудить ее согласиться на выход из состава государственности либо просто поставить перед фактом такого выхода.

Четыре года назад автор монографии утверждал: «Конечно, есть радикальные элементы, например, баскские и ольстерские экстремисты или квебекские сепаратисты, которые могут отвергать принадлежность к испанской, британской или канадской нациям. Но эти крайние случаи только подтверждают норму: подавляющее большинство басков и каталонцев считают себя испанцами, а основная часть квебекцев — канадцами. Данную закономерность подтверждают... референдумы среди населения» (с. 45). Но на каком основании утверждается, что указанных «экс-

---

⁸ В переносном значении, а бывали времена, что и в прямом.

тремистов» и «сепаратистов» не поддерживает большинство представителей этносов, к которым они принадлежат? Да и, как на грех, недавно проведенный референдум показал, что большинство каталонцев не считают себя испанцами. А если провести такой референдум среди басков?

И наконец — о том, что нам ближе и для нас актуальнее. Входило ли население (по крайней мере, большая его часть) Донетчины и Луганщины в состав украинской нации и в каком «национальном» состоянии оно находится сейчас? А население Крыма, где два этноса заняли по вопросу нахождения в составе украинской государственности разные позиции? Вошли ли крымские татары после присоединения Крыма в состав российской нации?

Одно из важнейших и безусловно справедливых положений монографии В. Т. можно определить как «подвижность» состояния гражданской нации как некоего единства населения страны. Здесь нужно быть настороже, о чем в свое время так метафорично высказался Карл Маркс: «Нации, как и женщине, не прощается минута оплошности»⁹. И автор монографии предупреждает: «Если нация представляет собой политическую общность людей, которые имеют общие исторический опыт, язык, территорию, символы и верят в общие ценности, тогда необходимо эти характеристики воспроизводить и поддерживать» (с. 315). То же и в отношении России: «Если не будет специальной государственной политики и общественных усилий по демонтажу “визуального” образа “чужака”, в перспективе в российском обществе сформируются новые культурные барьеры и различные формы этнического и религиозного противостояния» (с. 365).

При уверенности автора монографии в существовании российской нации («сегодня мы имеем все основания говорить о российском народе как о единой нации» — с. 3) очень большое (непомерно большое!) место в его труде занимают сегодование относительно непринятия этого положения. Оно имеет и «внутренний» характер, т.е. в самой России («При обсуждении проекта “Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации” в Общественной палате прозвучала фальсификация о том, что большинство россиян, якобы, не желают считать себя членами российской нации» — с. 619), и «внешний», за рубежом, где Россию представляют как «несамоопределившуюся многонациональную мини-империю» (с. 15) и есть зложелательная «надежда на возможное досамоопределение страны в границах “собственно России”» (с. 227).

Мне непонятны эти стенания, может быть, потому, что в отличие от автора монографии я человек не «государственный», но тем не менее... Конечно, «на чужой роток не накинешь платок», однако «собака лает — ветер носит». В. Т. беспокоит вопрос признания нашего государства как «национального», ибо, по его мнению, только в этом случае оно получает статус «легитимности» (с. 18). К чему, однако, эта боязнь слов, придание им самодовлеющего значения? Для недоброжелателей России никакие доказательства не указ, как бы убедительны они ни были, им всё — «божья роса». Дело не в «признании» того, есть ли российская нация, а в сохранении России как суверенного государства, что обеспечивается во вне вооруженными силами, а внутри признанием государства «своим», т.е. Отечеством, в том числе, уж коли оно полиэтнично, составляющими его население этносами.

⁹ Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 8. М., 1957. С. 124.

Ведь сам В. Т. не питает иллюзий относительно непредвзятости тамошних мнений относительно нашей страны: «Имидж России и русских (как собирательный образ россиян) остается низким и намеренно таковым сохраняется» (с. 582).

О «конструировании» нации. Как население государства становится нацией? В ответ на этот вопрос в самом начале книги по старой доброй советской традиции делается ссылка на слова «классика», в данном случае президента В. В. Путина: «По воле судьбы, Всевышнего, в силу сложения огромного количества исторических обстоятельств... представители самых разных этносов, культур, религий... ощущают себя единым народом и единой нацией» (с. 3). Тут впору и спросить: так благодаря кому россияне единая нация — благодаря судьбе, Всевышнему или историческим обстоятельствам?

В. Т. утверждает иное: нация создается интеллектуальными верхами общества, он безусловно конструктивист, создание нации для него есть один из случаев «социального конструирования действительности»¹⁰, результат осмысленного действия: «Национальная идентичность — это особая форма идентификации, которая не является естественной, заданной, а должна вырабатываться и распространяться главным образом через усилия интеллектуалов, политиков и общественных активистов» (с. 313). А чтобы у читателя не было сомнений в непогрешимости методологии автора, заявляется: «Данная книга написана на основе новейших научных представлений об обществе, государстве, нации, которые существуют в мировой гуманитарной науке» (с. 13). Прошу прощения, но невольно подумалось: а где теперь «новейшее учение о языке» Н. Я. Марра? Помнится, в советской риторике, марксистско-ленинской, «трудящиеся массы» объявлялись творцами истории. А насколько нова точка зрения о конструировании действительности элитой? В 1860–1880-х годах в общественной мысли России было популярно учение под названием «субъективная социология», согласно которому творцами истории объявлялись «критически мыслящие личности». То же самое мы видим в риторике В. Т. с его «целенаправленными усилиями элиты» (с. 59). Как тут не вспомнить название статьи М. И. Артамонова «Опять “герои и толпа”?»¹¹ и подивиться, насколько концепция Л. Н. Гумилева, против которой направлена статья, близка к методологии автора монографии.

Но не слишком ли велики упования на эффективность «субъективных предписаний со стороны элит» (с. 13)? Вспоминаются тут и персонаж Ильфа и Петрова «гражданин Гиgienишвили, бывший князь, а ныне трудящийся Востока», выкрикивающий: «Как пожелаем, так и сделаем!», и булгаковский поэт Безродный, уверенный в том, что «сам человек и управляет». Да, управляет, но до известных пределов, определяемых объективными факторами, как летчик управляет самолетом, исходя из законов аэродинамики, — самолетом, сконструированным на основе ее законов, а не «субъективных предписаний» даже «со стороны элит».

Но, впрочем, все это снимается методическим положением автора (которое не может не вызвать удивления): «... В моем социально-конструктивистском методологическом арсенале воображаемое есть тоже реальное» (с. 92). Тогда к чему эти сожаления по поводу непризнания существования российской нации? В. Т. ее

¹⁰ Изложение этой концепции см., в частности, в кн.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.

¹¹ Артамонов М. И. Опять «герои» и «толпа»? // Природа. 1971. № 2. С. 75–77.

«вообразил» — и для него она реальность, а его оппоненты ее не «воображают», для них ее не существует. Более того, утверждается такая теоретическая установка: «Сегодня вопросы, есть такой народ или нет, может ли он называться нацией или нет, — это вопросы старых методологий» (с. 13). Вот те раз! Основная позиция автора: все население России — нация, народы России — нации, а тут оказывается, что все это устаревшие взгляды, и есть ли российский (или русский?) народ и относить ли его к категории «наций» — вопрос методологий, представляющий сугубо исторический интерес.

Нация как проблема термина. Так что же делать с термином «нация»? Допустим ли он в отечественной научной лексике? Пользоваться ли им? Если да, то, чтобы избежать схоластики, надо определяться с конкретными случаями его употребления: такие-то и такие-то этносы — «нации», а такие-то и такие-то — нет, население таких-то государств — «нации», а таких-то — нет. А определить это (а то и доказать) применительно к нации-государству (вопрос о характеристиках нации-этноса в книге опущен) сложно, если вообще возможно. В свое время М. В. Крюков предложил (относительно триады «племя — народность — нация») «вообще отбросить составляющие его понятия¹², в том числе и понятие/термин «нация». Но он уже прижился в практике современного русского языка, причем стал государственным, ибо в Конституции Российской Федерации население страны (здесь мы опускаем вопрос, оно ли) заявляет о себе: «Мы — многонациональный народ...»), т. е. каждый этнос считается «нацией». Но прижилось, главным образом, производное — «национальность» (графа «национальность» — пресловутый «пятый пункт» советского паспорта) как обозначающая этническую общность (народ). Понятие же «нация» применительно к общегосударственному фигурирует sporadически, причем тоже преимущественно в производном «национальный», и не в бытовой лексике, а на официальном уровне и в СМИ («национальные интересы»).

Признаюсь, у меня нет ответа на поставленный вопрос. Но, повторюсь, главное, как известно, сущность явления, а не его название, и если есть единство россиян, то пусть это будет называться «нация». Но тогда мы снова возвращаемся к процитированному в начале этого текста: «Нацию невозможно определить, нацией можно только называться»

О национализме — термине и явлении. Термин «национализм» занимает в монографии, пожалуй, такое же значимое место, как и «нация». В советской лексике явление национализма определялось однозначно — как негативное явление: «1. Идеология и политика, исходящая из идей национального превосходства и противопоставления своей нации другим. 2. Проявление психологии национального превосходства, национального антагонизма, идеи национальной замкнутости»¹³. Между тем в западной науке слово «национализм» имеет неоднозначный смысл, в том числе и положительный¹⁴, и этому его пониманию следует В. Т. Современная российская наука, жалеет он, не перестроилась под «правильное» содержание

¹² Крюков М. В. Главной задачей остается по-прежнему проникновение в сущность этнических связей // Советская этнография. 1986. № 5. С. 66–78.

¹³ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. М., 1995. С. 390.

¹⁴ Из многочисленной литературы по этому вопросу см.: Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991; Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб., 1998 и др.

данного термина: «Национализм был и остается плохим словом для отечественных интеллектуалов и политиков, ибо другого национализма, кроме как “идеологии превосходства одной нации над другой”, они не знали» (с. 82–83). Согласно В.Т., один национализм «хороший», в определении автора — «государственный гражданский» (с. 68, 78) или просто «гражданский»: «Гражданский национализм — это разделяемые населением государства ценности, правовые и другие нормы, а также политические и культурные символы, которые оформляют представления о стране как национальном государстве и о народе как нации» (с. 308). Автор призывает: «Нам нужно утверждать российский гражданский национализм как осознание и отстаивание национального суверенитета и интересов страны, укрепление национальной идентичности российского народа, утверждение приоритета самого понятия “российский народ”» (с. 308). Другой национализм, «плохой», «известен как этнический национализм... нациями объявляются исключительно этнические общности определенного уровня исторической зрелости, и именно они создают государства, которые только в этом случае обретают легитимность национальных государств» (с. 18). Это определение дано применительно к концепту «нация», а в содержании монографии «плохой» национализм — тот, который в советской лексике означал идеологию превосходства одного этноса над другим(и): «национализм крайней реакции шовинистического толка типа черносотенства» (с. 78).

Разделение национализма на «плохой» и «хороший», как показал В.Т. в прекрасном историографическом обзоре, имеет в общественной мысли России довольно давнюю традицию, — в частности, в понимании С.Ю. Витте «есть национализм здоровый, убежденный, сильный, а потому непугливый...; и есть национализм болезненный, эгоистичный...» (цит. на с. 135). Однако уже в это время термин «национализм» мог иметь однозначно негативную семантику, например в трудах И.В. Сталина¹⁵. Из монографии В.Т. мы узнаем, что политик и историк П.Н. Миллюков в написанной им в эмиграции работе слово «национализм» также определял в единственном смысле как «нездоровое состояние национального чувства» и заявлял: «Мы... различаем между национальным и националистическим, между патриотизмом и шовинизмом. Мы хотим быть патриотами без шовинизма и национальными без национализма...» (цит. на с. 143).

Мое мнение относительно этой коллизии опять же «терминологически одержимое»: вряд ли оправдана ситуация, когда одному и тому же термину придаются два не только разных, но и абсолютно противоположных значения. И надо придерживаться того разграничения терминов, произошедших от слова «нация», которое бытовало в советской лексике и даже фигурировало в трудах П.Н. Миллюкова. Для современной отечественной традиции также характерно разграничение «национального» и «националистического». В отношении последнего можно указать на то, что небезызвестный Алексей Навальный был изгнан из «Яблока» «за нанесение ущерба партии и националистическую деятельность»¹⁶. Стоит ли навязывать нашей речи понимание слова «национализм» как семантически двойственного? Тогда не нужно будет при использовании термина «национализм» пускаться в объясне-

¹⁵ Сталин И. В. На пути к национализму (Письмо с Кавказа) // Сталин И. В. Соч. Т. 2. М., 1954. С. 285–289.

¹⁶ Зубов М. Неваляшка Навальный: Пойдет ли известный оппозиционер на президентские выборы. В каком качестве? // Московский комсомолец. 2016. 23–30 нояб. С. 7.

ние его характера как однозначно «нездорового». Национальное строительство — не националистическое строительство! И В. Т. в его монографии не пришлось бы делать уточнения типа: «практика национализма в его нормальном гражданско-политическом понимании» (с. 68) (грешным делом, так и хочется съёрничать — сказать о «практике» бандитизма в «его нормальном гражданско-политическом понимании»). Кстати, слово «национализм» иногда употребляется в книге без определения, и как догадаться, о каком идет речь: «... Тема отделения Северного Кавказа... на сайтах националистической направленности» (с. 491) и др.

О «русском» и «российском» — этнонимическом и политонимическом. Одна из проблем, которая ставится в монографии В. Т., — специфика употребления понятий «русское» и «российское». В частности, в разделе «Как кого называть?» указывается на такую коллизию: о Жукове можно говорить как о «русском полководце», но что делать с Гинзбургом — определять ли его как «еврейского» или как «российского» ученого (с. 626)? Вспоминается по этому случаю анекдот в виде якобы цитаты из биографии: «Великий русский писатель NN родился в бедной еврейской семье». В годы существования СССР при характеристике того или иного индивида — гражданина страны, указывает В. Т., было хорошее определение «советский». Однако он справедливо утверждает, что «предложения просто заменить “российский” “русским” при условии, что русский станет обозначением общности, открытой для людей с любыми этническими и расовыми (? — В. Б.) корнями, кажется безответственным верхоглядством» (с. 626). Это предложение, кстати, ключевое в мутноватой (чего только стоит уподобление освобождения стран Европы советскими войсками гуннскому нашествию) газетной статье А. Минкина¹⁷. Определение же «российский» и производные автору монографии не по душе, он приводит довод такого рода: «До президентских выборов 2012 г. и после них слово “россияне” стали обзывать “поганым словом”» (с. 619). Не странно ли? Так и хочется спросить: «Где и когда?», ибо частное высказывание кого бы то ни было — еще не общее мнение. Обязательно ли заикливаться на этнической принадлежности индивида, оставившего свой след в истории? Можно указать на страну, в которой он жил и работал, — это многое дает для понимания особенностей его биографии и занимаемого места в памяти человечества. Почему не давать при общей характеристике определение «российский», как это было с «советским»? Так, недавно по телевидению сообщалось о смерти «советского и российского» шахматиста Марка Тайманова, хотя Осип Мандельштам в газете «Аргументы недели» был признан (и справедливо) «одним из крупнейших русских поэтов XX века»¹⁸. А уж при более подробной характеристике можно указывать этническую принадлежность. В любом случае данная проблема стилистически вполне решается (как это было сделано со множественным числом слова «кочерга» в рассказе Михаила Зощенко).

Соотношение понятий «русское» и «российское» представляет собой проблему отграничения этнической идентичности от политонимической — как гражданина (подданного) государства. Такая же проблема может возникнуть с топонимической идентичностью — по месту проживания, и конфессиональной — по ре-

¹⁷ Минкин А. Русские или россияне? Письмо президенту // Московский комсомолец. 2016. 9–16 нояб. С. 8.

¹⁸ Нехамкин С. Аннамитский товарищ Ньюн-Ай-Как: к 70-летию первой индокитайской войны // Аргументы недели. 2016. 15 дек., № 49 (540). С. 20.

лигиозной принадлежности. «Не может долго длиться ситуация, когда в русском языке существуют два слова —русский и российский, а, например, в английском языке одно — Russian, перевод которого в разных контекстах переводчики никак не могут определить», — утверждает В. Т. (с. 11). Да Бог с ним, с английским языком, к тому же это дело переводчиков разбираться с контекстом. Что касается русского языка, то здесь проблемы разграничения нет: русское/русский означает этническое, а российское/россиянин — общегосударственное. В этом случае политонимическое и этническое русский язык различает. Потому неудачно предложение автора определять и то и другое как «нацию»/«национальное», и несуразно, на наш взгляд, встречающееся в монографии определение «этнические русские» (с. 339, 407, 567) — а какие могут быть еще?

Да, есть сложности в русском языке с разграничением этнической и политонимической принадлежности, когда название государственности имеет этнонимический характер. В одних случаях такой проблемы нет: русский и россиянин, финн и финляндец, казах и казахстанец и т. д. Однако в большинстве аналогичных ситуаций такого разграничения русский язык не делает: так, французом может называться и гражданин Франции любой этнической принадлежности, и «этнический француз», который, оставаясь таковым в Италии, будет «итальянцем» в качестве гражданина этого государства.

К слову, решение проблемы отграничения этнической идентичности от других идентичностей, которые нередко с ней смешиваются, в свое время просто и хорошо было предложено Ю. В. Бромлеем: этническая принадлежность человека стабильна, а смена государственности меняет политонимическую идентичность, перемещение на другую территорию — топонимическую, переход в другую религию — конфессиональную¹⁹.

Подводя итог. Заключение статьи может показаться нелогичным в свете высказанных выше критических замечаний — книга В. Т. оставляет очень хорошее впечатление. Да, у меня есть несогласие с рядом методологических позиций автора, использованием терминологического аппарата, характерного для данной тематики. Но общий настрой книги, имеющей не только научную, но и общественно-политическую значимость, вызывает глубокое уважение. У Валерия Александровича нет безразличия к состоянию российской государственности, он из тех, кому «за Державу обидно». Его книга писалась не только специалистом-этнографом, но и гражданином Отечества — с озабоченностью единством его граждан, их солидарностью при всех различиях, в том числе этнических. Отсюда характерное для монографии широкое обращение к практике нынешнего российского бытия. И в этом отношении особо хотелось бы выделить несколько затронутых в ней моментов.

1. О характере вхождения этносов в состав Российской государственности и их роли в ее истории вплоть до современности написано честно и не впадая в крайности. Автор отнюдь не подкрашивает картину этого процесса, и не случайно в его тексте закавычено понятие «добровольные вхождения» (с. 157). И это с корректной их характеристикой — признанием отрицательных сторон, но и с негативным отношением к раздуванию на этой основе антирусских и антироссийских настроений, предпринимаемых «националистически настроенными публицистами

---

¹⁹ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М, 1983. С. 44–57.

и общественными активистами» (с. 158). Обзор этнической истории Российской государственности — ядро книги, и это прекрасный по содержанию текст, именно такого рода он и должен быть в учебниках по истории Отечества — как школьных, так и вузовских.

2. О попытке «переписать» (а фактически оболгать и опорочить) роль СССР в разгроме фашизма, что, к сожалению, имеет место (сейчас гораздо меньше) и в нашем Отечестве. Эта тема имеет прямое отношение к проблеме содержания термина «нация». Содержание главы весьма взвешенно («тут ни прибавить, ни убавить») и патриотично, как и текст, касающийся вхождения народов в состав России и последствий этого. Показано, что именно представление о советском государстве как своем, общем, у подавляющего большинства населения СССР (называть ли его «нацией», или нет — суть неважно) обеспечило победу в Великой Отечественной войне.

3. О зарубежных критиках существования нации в современной России приведем цитату: «... Западные специалисты, которые в годы холодной войны разоблачали российский империализм, как предтечу советского империализма. Они же после распада СССР стали критиковать новую “мини-империю” в лице Российской Федерации и обосновывать необходимость ее дальнейшего “досооопределения”» (с. 79). Неплохо было бы при этом указать, что на самом Западе никак не могут «досооопределиться»: Испания — с каталонцами и басками, Франция — с бретонцами и корсиканцами, Великобритания — с шотландцами и ирландцами.

4. О миграциях и мигрантах в современной России — вопрос злободневный, причем в двух аспектах. Один аспект, имеющий универсальный характер, — боязнь размытия инокультурными установками собственной идентичности, в данном случае российской, второй — диктуемый конкретной ситуацией, а именно значительным местом мигрантов в мире криминала. Но в каких-то случаях эта преступность носит «вынужденный» характер — как ответ на противоправные действия, совершаемые по отношению к мигрантам. В монографии говорится об этом вполне прямо и нелицеприятно: «...Создавался негативный образ мигранта как потенциального преступника, нежелательного конкурента и нахлебника... Это отвечало корыстным интересам работодателей, ибо запугивание и унижение иммигрантов позволяло недоплачивать за их труд и не нести никакой ответственности за условия их жизни и состояние здоровья» (с. 608).

5. О статусе государствообразующего (как правило, доминирующего в численном отношении) этноса относительно других в полиэтнической стране — здесь В. Т. решительно возражает против попыток использования этого факта так называемыми «этническими нациями» для установления своего высшего статуса в якобы исключительно «своей» государственности и ущемления прав других народов. Как правило, делает наблюдение В. Т., эти претензии обосновываются тем, что, дескать, именно государствообразующие этносы порождают культурные и другие достижения. Это не так, заявляет автор монографии, в том числе применительно к Российской государственности: «Среди достижений представителей российского народа далеко не все принадлежали и принадлежат к этническим русским» (с. 8). В случае же попыток доминирования «взявшим власть («этническим националистам». — В. Б.) приходится воевать с теми, кто не соглашается с главным этническим народом-героем, который все совершил и которому все должны быть благодарны:

создал государство, развил культуру, завоевал независимость и т. п. Такие варианты не прошли и закончились войнами и драмами в Югославии, Грузии, Молдове, Азербайджане» (с.632–633). Теперь пример Украины подтверждает справедливость этих слов.

6. О Кавказе как проблемной зоне для российского единства и тем самым, в терминах В. Т., существования российской нации в нынешних границах государственности автор говорит честно и нелицеприятно: и о немалом ««вкладе» кавказцев в криминализацию современного российского общества» (с. 462), и о том, что «кавказофобию» в значительной степени формирует «вызывающее поведение кавказских молодых мужчин» (с. 488). Но при этом совершенно справедливо указывается, что проявления национализма (не только с «кавказским оттенком»), особенно характерного для молодежной среды, во многом имеют социальную основу, вызываемые в том числе и «коррупционностью сотрудников правоохранительных органов» (с. 645).

Это далеко не все, о чем хотелось бы высказаться, по поводу тех мыслей, которые возникли во время чтения труда В. А. Тишкова, — к сожалению, объем выпуска ограничен определенными рамками. И, разделяя высказанный в монографии оптимизм — «государство Российское было, есть и будет» (с.6) — очень хочется согласиться с уверенностью ее автора: «Есть в России нация!» (с. 303).

References

- Artamonov M. I. Opiat' "geroi" i "tolpa"? *Priroda*, 1971, issue 2, pp. 75–77. (In Russian)
- Berger P., Lukman T. *Sotsial'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniia*. Moscow, Medium Publ., 1995, 323 p. (In Russian)
- Bromlei Iu. V. *Ocherki teorii étnosa*. Moscow, Nauka Publ., 1983, 416 p. (In Russian)
- Bromlei Iu. V. *Sovremennye problemy étnografii (ocherki teorii i istorii)*. Moscow, Nauka Publ., 1981, 392 p. (In Russian)
- Cheboksarov N. N., Cheboksarova I. A. *Narody. Rasy. Kul'tury*. Moscow, Nauka Publ., 1985, 272 p. (In Russian)
- Etnologiya (etnografiia): uchebnik dlia bakalavrov*. Moscow, Iurait Publ., 2014, 580 p. (In Russian)
- Gellner É. *Natsii i natsionalizm*. Moscow, Progress Publ., 1991, 320 p. (In Russian)
- Kriukov M. V. Glavnoi zadachei ostaetsia po-prezhnemu proniknovenie v sushchnost' etnicheskikh sviazei. *Sovetskaia etnografiia*, 1986, issue 5, pp. 66–78. (In Russian).
- Tishkov V. A. *Rekviem po etnosu: issledovaniia po sotsial'no-kul'turnoi antropologii*. Moscow, Nauka Publ., 2003, 544 p. (In Russian)
- Tishkov V. A. *Rossiiskii narod: istoriia i smysl natsional'nogo samosoznaniia*. Moscow, Nauka Publ., 2013, 649 p. (In Russian)
- Xobsbaum É. *Natsii i natsionalizm posle 1780 g.* St. Petersburg, Aleteiia Publ., 1998, 119 p. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 24 марта 2017 г.
Рекомендована в печать 28 декабря 2017 г.